

Спасибо за то, что ты есть

Нила Кинд

18+

Нила Кинд
Спасибо за то, что ты есть

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кинд Н.

Спасибо за то, что ты есть / Н. Кинд — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Удивительная история любви, когда два сердца преданы только друг другу, несмотря на выпавшие им испытания... Они встретились в первый школьный день и остались неразлучны. Однажды Сашке пришлось защищать свою любимую девочку от подонков, и он чуть не погиб. Этот случай определил в дальнейшем его выбор профессии. Он посвятил свою жизнь опасной и благородной работе (опер в убийном отделе, сотрудник антитеррора, следователь), стал мастером спорта по восточным единоборствам. У него замечательная семья: его единственная любовь Таня и чудесный сынишка. Но тени из прошлого иногда могут настичать в настоящем...

© Кинд Н., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Нила Кинд

Спасибо за то, что ты есть

Глава 1

Сашка тихо выскользнул из кровати, стараясь не потревожить жену. Была его очередь вставать к сынишке. Малышу исполнился год, и они пытались отучить его от маминой груди хотя бы в ночные кормления. Он развёл смесь. Подозревая, что сейчас услышит протест, взял Андрюшку на руки и ушёл с ним в другую комнату. Сынишка уже куksился, поглядывая на бутылочку.

– Терпи, мужик, что поделать, мамы не всегда бывают доступны. Считай, что сейчас она вне зоны действия сети, не умирать же из-за этого с голоду, – шептал ему Сашка, подсовывая ко рту соску. Андрюшка плотно сжал губки, взгляд стал сердитым. Но пока сопротивлялся молча. Он и в принципе был молчуном. Громко возмущаться мог только по единственной причине – если не получал мамину грудь тогда, когда этого хотел. «Тут мы с ним похожи, – смеялся Сашка, обращаясь к жене, – я тоже равнодушен к твоей груди и хочу, чтобы она всегда была под рукой».

– Поверь мне, это довольно вкусно, – он поднёс бутылочку к своему рту и сделал вид, что с удовольствием сосёт соску. Сынишка наблюдал за ним с недоверием.

– Я знаю, прикасаться к стеклу совсем не так приятно, как к нежной маминой коже, но мамочке нужно поспать. Я утром уйду на работу, а она до позднего вечера будет с тобой. А ты сам знаешь, какой ты активный. Носишься везде, глаз да глаз за тобой нужен. Это ведь, между прочим, ты маму так утомил, что она спит как убитая. Я к ней сегодня и пальцем не притронулся.

Андрюшка выслушал внимательно, видимо, согласился с критикой в свой адрес, приоткрыл губки, Сашка сразу вставил в них соску. С тяжёлым вздохом малыш обхватил бутылочку ручками и задвигал щёчками, втягивая в себя смесь.

– Вот это по-взрослому. Молодец. Горжусь тобой, сын.

Сашку затапливала нежность. Не дососав совсем чуть-чуть, сынишка снова уснул, он отнёс его обратно в кроватку и так же осторожно, как вставал, скользнул под одеяло, обнял жену, она тут же прижалась к нему во сне. Его счастье. Его ангел. Его Танечка. Его единственная любовь. Он машинально провёл рукой по своей груди, нащупал шрам почти у самого сердца. Это была уже многолетняя привычка. А поначалу было – напоминанием, стимулом развивать себя физически, овладевать разными видами борьбы. Он не хотел ещё раз оказаться в ситуации, когда защитить любимую девочку мог только своим телом. Ведь всё могло повернуться так, что никто не спугнул бы подонков. Он лежал бы на асфальте избитый или мёртвый, а Таня... Что было бы с Таней, долгие годы снилось ему в страшных снах.

Отцу и следователю он сказал тогда, что не запомнил нападавших. Это было почти правдой. В тот момент он, загораживая собой Таню, чувствовал спиной, как её трясёт от ужаса, его переполняла ненависть и злость, что мешало разглядывать их лица, в память врезалась только рука с перочинным ножом, на запястье – татуировка в виде черепа...

– Сколько раз я говорила, что люблю тебя? – прошептала вдруг жена, не открывая глаз.

Сашка взял паузу, словно подсчитывая.

– Два миллиона восемьсот девяносто две тысячи тридцать девять раз.

– Округлим до сорока. Я люблю тебя.

Она нащупала его правую руку своей рукой, постучала обручальным колечком по его кольцу. Это была их традиция – приглашение к близости... Сашка тут же повернулся к ней.

Он уже неделю был «на голодном пайке». Таня засыпала сразу, как только её голова касалась подушки...

Они познакомились в первый день своей школьной жизни и остались неразлучны. В одиннадцать лет первый раз поцеловались. В двенадцать – целовались каждый день, прощаясь у её дома. Она жила с отцом и его новой семьёй после того, как её мама покончила с собой, не вынеся развода с мужем. А вот с тринадцати и до шестнадцати они избегали даже случайно касаться друг друга. Слишком сильным было их притяжение, слишком опасным – томление в их формирующихся телах... В шестнадцать была их первая близость. Они просто не выдержали, Сашка к этому моменту от корки до корки изучил книгу о мужской и женской физиологии, которую однажды обнаружил в своей комнате вместе с упаковкой «средств защиты». В книге была закладка на главе о вреде для женского организма ранней беременности и абортот. Родители проявили заботу и свою взволнованность тем, что он и Таня постоянно вместе, а значит – и соблазн для его юношеского тела слишком велик.

В восемнадцать сразу поженились и переехали в ту квартиру, где он родился, вырос и жил, пока мама и папа снова не воссоединились после многолетней разлуки и не стали жить вместе в папиной роскошной квартире на Остоженке. Сашка некоторое время опасался, что отец будет настаивать, чтобы он пошёл по его «банкирским» стопам и закончил финансовый вуз. Но отец, вероятно, уже давно догадывался, что упорные Сашкины занятия единоборствами имеют целью не только овладение искусством защиты. Он ничуть не удивился, когда сын выбрал для себя юридическое образование и специальность – оперативно-розыскную деятельность. Удивился лишь, да и то не пытаясь отговорить, когда сын после окончания учёбы предпочёл не стезю следователя, а стал опером. Сашка мечтал ловить всякую мразь, чтобы его девочкам спокойнее ходилось по улицам. Кроме его любимой Тани у него подрастали две сестрёнки.

Таня же закончила медицинский колледж и стала хирургической медсестрой. Эта мечта появилась у неё тогда, когда она в течение месяца навещала Сашку в больнице после его ножевого ранения.

К моменту появления Андрюшки на свет, они уже шесть лет были женаты. Сынишка словно бы дожидался, когда родители закончат свои учебные дела и определятся с работой.

– Мы с тобой замечательная пара: опер и медсестра, – шутил Сашка, – будешь меня штопать в случае чего и поддерживать квалификацию, пока три года в декрете.

*

– А я намного от тебя отстал? – спросил Сашка, слушая, как выравнивается биение её сердца после их ласк.

– Ровно на два миллиона восемьсот девяносто две тысячи.

– То есть сорок раз всё-таки говорил?

– Сорок раз говорил.

– Можно я сделаю число опять неровным? Я люблю тебя...

– Ты можешь вообще ничего не говорить, я и так знаю, что любишь, – Таня потёрлась щекой о его грудь.

– Откуда ты знаешь? – он с наслаждением вдыхал аромат её золотистых локонов.

– Отсюда, – она провела кончиком пальца по его ресницам, – из твоих глаз.

Они так давно были вместе, что не думали о том, что кто-то в состоянии разлучить их. Разлучить могло только что-то... Связанное с его опасной работой. Но Таня уважала его выбор. И никогда не забывала о причине такого выбора...

Глава 2

Два года назад на собеседовании сотрудник отдела кадров, просматривая его документы и справку от медкомиссии, спросил:

– Откуда особая примета?

Пришлось рассказать вкратце, чтобы не подумали, что он просто подрался.

Майор выслушал, взглянул исподлобья, продолжая перелистывать страницы, Сашка и не ожидал, что обзавёлся уже целым «делом».

– Мотивирован, значит. Это хорошо. Если только не планируешь использовать служебное положение, чтобы найти этих подонков.

Такая мысль у Сашки, безусловно, имелась. Но он никоим образом не собирался ставить эту задачу в приоритет. Надеялся на везение, на случай. На то, что их пути пересекутся.

– Пять лет в браке, шустрый, однако. А детей нет. Обманула, что ли, когда в ЗАГС тащила?

У Сашки на скулах заиграли желваки. Майор заметил. Отложил дело в сторону. Смотрел с интересом, ожидая ответа.

– Нет. Исключительно по любви, – наконец сказал Сашка.

Кадровика вдруг осенила догадка.

– Постой, не её ли защищал? Так у вас что, проверенные временем чувства?

Сашка молчал, он совсем не думал, что придётся обсуждать его сугубо личную жизнь с посторонним человеком.

– Что ж, теперь у вас есть шанс проверить их работой опера. Она в курсе, что у тебя официально только один выходной, да и тот чаще всего просто на бумаге? И что дома можешь по несколько дней не появляться? Редкая жена такое выдержит.

– Моя жена как раз редкая, – произнёс Сашка, прямо глядя в глаза майору.

– Это хорошо... – кадровик ещё что-то поискал в его документах. – Ну что ж... верный муж, краснодипломник, мастер спорта по восточным единоборствам, работу выбрал по призванию – золото, а не кандидат. Надеюсь, что хотя бы в ближайшие пять лет не увижу у себя на столе твой рапорт об увольнении.

– Не увидите, – спокойно сказал Сашка.

*

За два года его службы Тане действительно пришлось многое вынести. Особенно когда она забеременела Андрюшкой и потом, когда он родился. Конечно, его мама ей очень помогала. Родители вообще агитировали их переехать к ним, но Таня заверила Сашку, что выдержит, что ей хочется продолжать вить своё гнездышко и ждать его в их постели. Эти ожидания, правда, чаще всего заканчивались тем, что измученная молодая мама могла лишь подставить губы для поцелуя. Но Сашка всё понимал. Был счастлив тем, что обнимает её, дышит ею, оберегает её сон. С удовольствием вставал ночами к сынишке, которого так редко видел.

Коллеги давно поняли, что ему нельзя поручать два дела: выпивать за компанию и охмурять женщин, что иногда требовалось в их работе. Как спортсмен он не пил в принципе и патологически был неспособен изобразить заинтересованность во взгляде, направленном на кого-то, кроме его жены.

– Нужно взять рецепт у твоих родителей, как делать таких мужиков, – качали головами в отделе. Сашку уважали. Он не прогибался перед начальством, был башковитым в распутывании сложных дел, без раздумий мог шагнуть под пулю или нож, защищая товарища, что пока просто чудом не привело к серьёзным ранениям.

*

Телефон зазвонил, когда он направлялся к машине, чтобы ехать домой. В этот раз почти вовремя, как будто обычный служащий. Звонила самая младшая сестрёнка, Надюшка. Ей было десять. Без всяких предисловий потребовала:

– Сашка, приезжай забери котёнка.

– Э-э, какого?

– Бонд привёл подружку, она привела троих котят. Мы с Наташкой их пристраиваем.

Бонд пришёл к ним одиннадцать лет назад. Родительская спальня находилась там, где был выход на крышу в отцовской двухуровневой квартире, это помещение для спальни облюбовала мама, потому что на крыше протекала большая часть её жизни – она была классным фотографом, а оттуда – красивейшие виды на Москву. И она часто выбегала туда прямо из постели, чтобы успеть заснять закат или рассвет, которые, как известно, не повторяются. Отец в связи с этим называл её Карлсоном и даже именно на крыше сделал ей предложение снова выйти за него замуж. В тёплую погоду дверь не закрывали. Однажды родители, проснувшись, обнаружили у себя в постели чёрно-белого кота. Причём не где-нибудь поверх одеяла, а ровно между ними, и, судя по тому, что он лишь лениво приоткрыл один глаз, чтобы посмотреть на «разлучённую» им супружескую пару, кот прекрасно чувствовал себя в роли третьего лишнего. Кличку ему придумал Сашка. В честь Джеймса Бонда: кот был «во фраке», даже чёрная «бабочка» под подбородком, и такой же «предприимчивый».

Кот был стерилизован и не мог иметь своего потомства, а потому, видимо, решил взять «мать с детьми».

– Ну... Мне нужно посоветоваться с Таней. Котёнок ведь упадёт на её хрупкие плечи.

– С Таней я уже договорилась. И она уже выбрала по фоткам. Тебе осталось только приехать и забрать.

Путь от Петровки до Остоженки на машине занимал всего пятнадцать минут. Вскоре он уже входил в дверь. Мама тоже была дома, по-прежнему очень красивая в свои сорок четыре (как, впрочем, и отец в свои пятьдесят один, его мужская привлекательность с годами вообще словно бы крепла).

– Представляешь, какое у нас пополнение! – воскликнула она. – Я надеюсь, Бонд не возомнит себя падишахом и не начнёт тут формировать гарем.

– Что такое гарем? – тут же встряла в разговор Надюшка.

– Тогда уж не в качестве падишаха, а в качестве евнуха, – сказал Сашка и, опережая Надюшкино любопытство, добавил: – На все серьёзные вопросы в нашей семье отвечает папа. Дождись его с работы. А мне скорее давай котёнка, я домой хочу.

Остаться поужинать мама даже не предлагала, знала, что он рвётся к жене и сынишке.

– Держи, – Надюшка торжественно вынесла в прихожую лохматое пепельно-серое чудо, как раз такого оттенка, какого были у него волосы. Ясно, почему жена именно на этом котёнке остановила свой выбор. Пепельный цвет волос у него был в маму. Как и тёмно-серые глаза.

С собой ему выдали пакетик с кормом для котят, чтобы он не тратил время на поиски специального магазина.

Когда уже снова ехал в машине, позвонила Таня. На заставке её номера была самая поздняя её фотография, где она в обнимку с Андрюшкой, всё тот же голубоглазый ангел, что и восемнадцать лет назад, когда он впервые её увидел, только светлые кудряшки превратились с возрастом в золотистые локоны...

– Везёшь?

– Везу.

– Правда на тебя похож?

– Я так и думал, что этот фактор был решающим.

– Конечно. Он заменит тебя в моей постели, когда ты будешь задерживаться.

– Ты подписала ему приговор.

Глава 3

Дома его первым встретил сынишка. Он пошёл ещё в 10 месяцев и сейчас уже носился по квартире, часто не вписываясь в крутые повороты, Сашке пришлось все углы обить мягкой тканью. Андрюшка был копией Тани, такой же голубоглазый ангелочек в светлых кудряшках, вот только взгляд и поведение были «мужскими», так что даже незнакомые люди на улице ни разу не спутали его с девочкой, несмотря на миловидные черты. Играл он исключительно в машинки и строительство домов из кубиков. Был молчалив, не слишком улыбочив, зато, когда улыбался, в квартиру будто бы заглядывало солнце.

– Ты тоже был таким серьёзным? – спросила как-то Таня. – Мне кажется, в его возрасте детям положено улыбаться постоянно. А мы его улыбки ждём как джекпота в лотерее.

– Я спрошу у мамы, – пообещал Сашка. – А чем тебе не нравятся серьёзные мужчины?

Таня поцеловала его в губы долгим поцелуем, таким долгим, что он почти забыл, о чём спросил.

– Они мне всем нравятся. Но я очень боюсь, что он вырастет таким же ответственным, как и ты. И не дай бог таким же однолюбом.

Сашка растерялся:

– Почему «не дай бог»? Ты жалеешь, что я не влюбляюсь в других женщин?!

– Нет, конечно. Я счастлива, что встретила именно такого, как ты, но вдруг он при таком вот характере не встретит такую, как я? – она, улыбаясь, заглянула ему в глаза. – Или ты думаешь, что я у тебя не такая уж и редкая?

Сашка прижал её к сердцу, прошептал:

– Тут уж ничего не поделаешь, такую, как ты, он точно не встретит... Ты – мой джекпот.

– Папа, папа, папа, – Андрюшка подбежал и прижался к его ногам, обхватив их ручками. Это была традиция, которую он сам установил, как только освоил «прямохождение». Если Сашка сразу наклонялся к нему, чтобы обнять, Андрюшка прятал ручки за спину и делал шаг назад. И лишь прижавшись к его ногам на несколько мгновений, тянулся вверх, показывая, что готов принять и объятия.

– Кажется, у нас растёт будущий глава партии консерваторов, – качала головой Таня.

– У нас нет такой партии, – смеялся Сашка.

– Уверена, что появится.

Пока сынишка обнимал его ноги, Сашка передал котёнка подошедшей жене.

– Не знаю, зачем ты согласилась на эту авантюру. Мало тебе было забот. Теперь ещё придётся одного младенца охранять от другого.

Таня бережно взяла котёнка в руки.

– Боже мой, какое чудо... А ты не ворчи, лучше целуй меня скорее, пока Андрюшка занят твоими ногами.

Она потянулась к нему, Сашка прижался к её губам, сразу, как уже много лет, чувствуя трепет во всём теле, желание целовать и целовать её до бесконечности. Она мягко отстранилась.

– Обнимайся с сыном, я пойду устраивать нового члена семьи.

– Только не вздумай устраивать его в нашей кровати, я не потерплю такого смазливый конкурента.

– Он не смазливый. Он настоящий мачо.

– Папа, папа, папа, – Андрюшка перешёл ко второй стадии – тянул ручки вверх. Сашка поднял его, сынишка обнял его ручками за шею.

– Привет, моё любимое сокровище, – Сашка заглянул в серьёзные голубые глаза с длинными золотистыми ресницами. Андрюшка рассматривал его пару секунд, потом ослепительно улыбнулся.

Ночью, когда они наконец-то, переделав все дела, лежали в постели, пока просто обнимая друг друга, слушая, как их сердца, настроившись на одну волну, наращивают темп в предвкушении наслаждения, Сашка тихо сказал:

– Как ты думаешь, бывает так, чтобы счастья было чересчур много?

– Нет, не бывает, – сразу ответила Таня, – его всегда ровно столько, сколько человек заслужил.

Она боялась признаться, что и сама часто думала об этом, о том, что она слишком счастлива, и счастлива уже очень давно. В сердце поселилось предчувствие беды. Теперь вот ещё и Саша заговорил об этом же... На глаза навернулись слёзы, она скорее притиснулась к мужу, стала покрывать поцелуями его лицо. Их близость была страстной, ничем не сдерживаемой, они были готовы к появлению ещё детей, а потому не пользовались никакими средствами, полностью раскрепощаясь в объятиях друг друга.

Испытанное обоими блаженство отодвинуло мрачные мысли в глубину сознания, настроило на игривый лад.

– Скажи, что ты подумаешь, если вдруг почувствуешь, что от меня пахнет духами или на одежде обнаружишь следы губной помады?..

– Подумаю, что на тебя напала женщина лёгкого поведения, – прыснула Таня, представив озвученную ею картину.

– Это хорошо, что ты не расстроишься, – сказал Сашка, – потому что, вполне возможно, тебе предстоит это испытать.

Таня приподнялась над ним, вглядываясь в его глаза.

– Твоё следующее дело связано с «девушками пониженной социальной ответственности», как красиво выразился наш президент?

– С ними. А они очень непредсказуемы в своём поведении.

– Не волнуйся, моя любовь уберёжет тебя от грехопадения.

– Почему мою любовь ты не принимаешь в расчёт?

– Потому что для такого лёгкого дела не обязательно прилагать усилия двух сторон, достаточно одной...

Глава 4

Провожая утром мужа, Таня напоследок ещё раз заглянула в его глаза, в которых всегда видела только любовь и нежность, вспомнила их ночной разговор, опять приснула, представляя, как мучительно для её верного Сашки всё, что связано с необходимостью общения с другими женщинами. Чтобы понять полное отсутствие ревности в её сердце, нужно было знать Сашку так же долго, как знала его она. Нужно было чувствовать его любовь так же долго, как чувствовала её она...

– Дохихикаешься, – изображая строгость, сказал он.

– Люблю тебя, – ответила Таня, снова целуя его перед тем, как закрыть за ним дверь.

Она не стала напоминать мужу, что сегодня годовщина смерти её мамы. У него хватает забот. Возьмёт такси и съездит с Андрюшкой на кладбище. Котёнок, пока безымянный, побудет дома один, он такой маленький, что вряд ли много чего натворит. Она закрыла везде окна на всякий случай, обложила его коробку Андрюшкиными старыми игрушками-погремушками, оставила корм и воду. Андрюшка на котёнка взирал на расстоянии и с удивлением, не тянулся, чтобы дёрнуть за хвост или вцепиться в лохматую шерсть, это, видимо, ждёт их позже.

Мама была похоронена на Даниловском кладбище, там же, где и другие её родные. Погода была чудесная, тёплая, мягкая. Хотя ещё не закончился август, но листва на деревьях уже наполовину окрасилась в осенние тона.

Таксист помог разложить прогулочную коляску, Андрюшка, по обыкновению, отказался в неё садиться.

– Сам! – строго заявил он и помчался вперёд по аллее. Ходить медленно он как будто бы и не умел. В лексиконе у него из чётко произносимых слов были пока только: «мама», «папа», «баба», «деда», «Нюся» (Надюша), «Няся» (Наташа) и – наиболее часто употребляемое – «сам».

Положив на могилу цветы и немного постояв в молчании, глядя на фотографию красивой, уже почти забытой женщины, Таня поискала глазами сынишку. Он успел добежать до «их» с Сашей дуба. В его огромном дупле Сашка нашёл её в тот день, когда она собиралась там умереть, такая чёрная тоска охватила её, чувство, что с маминой смертью она перестала быть кому-то нужной, у отца была новая семья... В одиннадцать лет принять такое очень тяжело. Можно сказать, что в том дупле он сделал ей предложение, заверил, что она нужна ему, что они поженятся, как только станут взрослыми... Таня подошла к дубу, заглянула в дупло. Интересно, после них с Сашкой там сидел кто-нибудь?

Андрюшка бегал кругами вокруг ствола; заметив, что она куда-то заглядывает, поднял ручки.

– Сам! – сказал он, видимо, не придумав, каким словом обозначить своё желание посмотреть туда, куда и мама.

Таня подняла его, поднесла к дуплу, Андрюшка вцепился ручками в края, смело наклонился внутрь. Он был уже довольно увесистый, чтобы удерживать его долго. Таня поставила сынишку на землю.

– Давай я тебя покатаю на колясочке? – предложила она, не переставая удивляться, как годовалый малыш выдерживает такие длинные пробежки.

– Сам, – упрямо помотал он кудряшками и помчался в обратном направлении, она едва за ним попевала.

Заказала такси, чтобы ехать домой, Андрюшка носился вдоль кладбищенской каменной стены. Споткнувшись, растянулся на асфальте. Таня подбежала к нему. Сердце словно бы оборвалось, упало куда-то глубоко... На этом самом месте тринадцать лет назад лежал Сашка, а на его груди расплзлось бурое пятно... «Ух ты, какой ангелочек!», «Отойди в сторону, малец,

девочками надо делиться...» – голоса навалились на неё, зазвучали так громко, что она зажала руками уши.

– Не боня, – испуганно глядя на хлынувшие из маминых глаз слёзы, сказал Андрюшка, поднимаясь, хотя на коленках остались ссадины и ему не могло быть «не больно».

Таня прижала его к себе, её тело сотрясали рыдания.

– Не боня, – опять попытался успокоить её сынишка, думая, что мама плачет из-за него.

Подъехало такси, водитель, удивлённо косясь на клиентку, погрузил коляску, высаживая их у дома, сказал:

– Если уже сейчас так переживаете из-за каждой его ссадины, то что же с вами дальше будет, когда он подрастёт? Вы уж как-нибудь привыкайте, мальчишка всё-таки...

– Да, спасибо, я постараюсь, – ответила она.

Время близилось к обеду.

– Сыночек, зайдём быстренько в магазин, – уже не предлагая Андрюшке сесть в коляску, позвала Таня.

Продуктовый был на углу их дома. Собиралась купить только хлеба, но, как это обычно бывает, набрала целую тележку. Она уже направлялась к кассе, когда услышала позади себя:

– Ух ты, какой ангелочек!

Таня помертвела. Повернулась медленно. Над Андрюшкой склонился мужчина лет тридцати. Протянув руку, хотел погладить его по кудряшкам. На запястье из-под длинного рукава футболки мелькнула татуировка – человеческий череп.

– Не трогайте, он этого не любит, – сказала она быстро, хватая Андрюшку за руку и притягивая к себе.

Мужчина распрямылся, посмотрел на неё:

– О, и мама тоже ангелочек...

Он был худощав, на щеках недельная щетина, на голове короткий ёжик русых волос. Карие глаза с прищуром оглядели её с ног до головы.

– Ещё встретимся, красотка, – широко улыбнулся он.

Она не ответила, бросив тележку на кассе, почти выбежала с Андрюшкой на руках на улицу.

В подъезде опомнилась, что оставила в магазине коляску. Позвонила мужу, не особо надеясь, что он ответит. Сашка ответил сразу, Таня никогда не звонила ему в такое время, он испугался.

– Что-то случилось?

Таня выдохнула.

– Нет-нет, просто очень захотелось тебя услышать. Прости, что отвлекла.

– Танюша, у тебя странный голос. Что случилось?

Таня окончательно взяла себя в руки.

– Всё хорошо, любимый. Правда. До вечера...

Она отсоединилась. Сашка несколько мгновений смотрел на телефон. Ему действительно было очень некогда, но он снова набрал ей.

– Танюша, скажи ещё раз, что у вас всё в порядке.

– Всё в порядке. Я люблю тебя.

– И я люблю тебя... Я сегодня буду очень поздно...

– Я тебя дождусь.

Значит, всё-таки что-то произошло. Обычно она на такое его сообщение шуточно говорила, что поспит за двоих...

– Так, Сашка, сними кольцо и сотри со своей красивой рожи печать верного мужа, всё дело испортишь.

Работа...

Глава 5

Он вернулся не просто поздно, а под утро. Очень надеялся, что Таня его не дождалась и ему удастся сразу пойти в душ и смыть с себя запахи и грязь тех мест, где пришлось сегодня побывать. Таня услышала, как он заходил в квартиру, как старался ступить на цыпочках. Правильно угадала, что ему сначала захочется в ванную, дотерпела до того момента, как перестала литься вода, прибежала к нему, он как раз вытирался. Их тут же притянуло друг к другу как магнитом...

Потом она кормила его то ли поздним ужином, то ли ранним завтраком... Он с тревогой вглядывался в её лицо, она пока так и не рассказала, что послужило причиной её неожиданного звонка и бессонной ночи. Только когда он, полюбовавшись на спящего сынишку и на серый клубок в коробке, лёг в постель, она, прижавшись к нему, прошептала:

– Я сегодня встретила одного из них...

Сашка сразу понял, о ком она. Стук сердца отдался в висках.

– Он произнёс ту же самую фразу: «Ух ты, какой ангелочек», я узнала голос, интонацию...

Таню опять стало трясти, Сашка молча обнимал её, прижимал к себе, стараясь унять её дрожь.

– Где? – спросил коротко.

– В нашем магазине.

– Сможешь описать внешность?

Таня описала.

– И ещё у него татуировка на запястье в виде черепа...

Сашка втянул в себя воздух, медленно выдохнул. Пересеклись всё-таки их пути-дорожки...

– Завтра перевезу вас на Остоженку на какое-то время.

Таня не спорила. Во-первых, ей было действительно страшно, во-вторых, Сашка иногда говорил таким тоном, что становилось понятно – лучше не спорить... Он принимал решение и просто озвучивал его, даже не предполагая возражений. Таким тоном он в своё время сообщил, что поступает в юридический, а потом – что идёт работать опером. Правда, Таня ни разу не пробовала проверять, распространяется ли на неё такая категоричность. Может, ей он и стал бы объяснять, почему решил так, а не иначе. Но она чувствовала, что решения своего он всё равно бы не изменил.

Пока утром Таня складывала Андрюшкины вещи, Сашка сходил в магазин за коляской, заодно убедился у охранника, что записи с видеокamer ведутся, предупредил, что вернётся через пару часов, чтобы просмотреть их. В связи со вчерашним поздним возвращением домой сегодня на службу можно было прийти к обеду. Он рассчитывал, что ему хватит этого времени.

Переезд прошёл очень быстро. Родители и сестрёнки обрадовались, что Таня с Андрюшкой поживут у них. О причинах не спросили: сестрёнки – потому что не догадались об этом спрашивать, родители – потому что предположили, что случилось что-то связанное с Сашкиной работой. Котёнок, проходивший два дня под кодовым именем Серый, другим так и не обзавёлся. Как со вздохом высказалась Таня, вспомнив поговорку: «Нет ничего более постоянного, чем временное». Других двух котят уже пристроили друзьям и знакомым, мама-кошка, которая переживала по этому поводу, очень обрадовалась Серому. Как и он. Их встреча была такой трогательной, что всем стало ясно: либо обратно поедут оба, либо Серый останется с мамой и приёмным папой Бондом.

Сашка просмотрел запись за последние сутки. К сожалению, видео с камер хранилось ровно один день, а потому нельзя было сделать вывод, случайно ли он оказался тут или с недавних пор живёт поблизости и делает покупки в этом магазине. Оставалась призрачная надежда

на память охранников и кассиров. Эта смена не смогла вспомнить с точностью. Вроде уже видели, а может, и кажется. Что было неудивительно, магазин был хорошо посещаем. Сашка изъял запись и поехал на работу.

В отделе сделал фотографию с одного из кадров, прогнал по базе. Вот он. Кургузов Антон Владимирович. Один срок за групповое изнасилование несовершеннолетней, четырнадцатилетней девочки, после освобождения ещё по двум эпизодам проходил подозреваемым, но семьи отозвали заявления... Горбатого могила исправит, раз закон не настолько суров...

– Старый знакомый? – спросил коллега, увидев мрачный взгляд Сашки, устремлённый в компьютер, и профессионально быстро ухватив содержание.

– Очень старый, Димон, – ответил Сашка.

– Помощь нужна?

– Нет. Сам управлюсь.

– А это что? – он кивнул на листок бумаги на Сашкином столе.

– Рапорт об увольнении. На всякий случай. Передашь куда следует, если случай случится.

– Ты что задумал, Сашка? – тихо спросил Дмитрий.

– Да пока найти его. А там по обстоятельствам.

Сашка переписал адреса и телефоны семей девочек, отказавшихся от обвинений, данные о последнем месте проживания Кургузова. Далёко от их района, но он мог снимать квартиру поблизости, если, конечно, вчерашний эпизод не был чистой случайностью.

На работе он опять задержался допоздна. Рано утром снова зашёл в магазин, смена была новая. Взглянув на фотографию, одна из кассирш воскликнула:

– Так это ж ухажёр Вероникин.

– Вероника у нас кто? – боясь спугнуть удачу, спросил Сашка.

– Тоже на кассе, на сегодня отгул взяла.

– Адрес.

Потом позвонил в отдел, сказал, что, видимо, чем-то отравился, от унитаза отойти не может.

Глава 6

Вероника жила в соседнем доме. Сашка сел на скамеечку у подъезда. Он был уверен, что кассирша уже позвонила ей и предупредила о его интересе. Значит, если «ухажёр» был дома, то сейчас выйдет. Если же не выйдет в течение десяти минут, то можно и подняться в квартиру.

Он вышел. На спокойно сидящего на скамейке парня внимания не обратил. Сашка небрежно вытянул ногу, тот споткнулся. Собрался выругаться, Сашка молниеносным движением заломил ему руки и надел наручники. Повёл прочь от подъезда, крепко ухватив под локоть.

– Я не понял, чё за беспредел?! – возмутился тот.

Сашка молчал.

– За мной ничего нет, начальник, не того схватил, – голос звучал уже не так уверенно.

Сашка довёл его до своей машины, открыл заднюю дверцу, кивнул головой, «приглашая».

– А чё удостоверение не показываешь? Так не положено, – проворчал Кургузов, в голосе появились панические нотки.

Сашка заблокировал дверцы и, всё так же не произнося ни слова, вырулил со двора и поехал в направлении МКАДа, затем свернул на ближайшее шоссе и погнал машину за город.

Мужчина на заднем сиденье продолжал что-то говорить, перечислять возможные версии своего «задержания», гадать, кем мог быть Сашка, он не слушал. Зазвонил его телефон. Димка из отдела.

– Да, Димон.

– Сашка... – Дмитрий помолчал, – ты ведь вчера сдал табельное?

– Сдал, конечно. Чтобы убить, мне оружие не нужно, если ты об этом.

При слове «убить» Кургузов судорожно всхлипнул.

– Хорошо... – Дмитрий помедлил, – позвонишь потом с инструкциями. И... помни, что у тебя любимая жена и сын.

– Конечно. Я только о них и помню.

Он ещё несколько раз сворачивал на дороги поменьше, пока не въехал в лесной массив.

Лишь теперь повернулся назад. Лицо мужчины успело за это время стать землисто-серого цвета.

Они несколько мгновений смотрели друг другу в глаза.

– Я что... дочку твою, что ли... – наконец нарушил молчание Кургузов.

– Тогда ты был бы уже мёртв.

– А так у меня что, есть шанс?

Сашка молчал, продолжая мрачно разглядывать своего визави.

– Но ведь тебе с рук это не сойдёт, – предпринял тот ещё попытку.

– Ошибаешься. Я много чему научился с момента нашей встречи.

Кургузов опять уставился на его лицо, мучительно морща лоб.

– Можешь не напрягаться. Это было давно. У меня были годы на тренировки. Судмед-экспертиза фиксирует только остановку сердца по неизвестной причине. Мне давно хотелось проверить этот удар на практике, а не в теории. Так что выбирай.

– Между чем и чем? – пролепетал Кургузов.

Сашка достал из бардачка планшет, из него – листы бумаги и ручку.

– Пишешь признание на всё, что натворил один или в компании, подробно и чётко формулируя мысли, с датами и деталями. Напомнить некоторые?

– На пожизненное хочешь раскрутить?

– Я же сказал, что у тебя есть выбор. Можно всё закончить сейчас. Причём этот вариант лично меня устроит больше. Этот же вариант тебя ждёт, если в суде откажешься от показаний.

– Освободи руки, буду писать.

– Хватит тебе одной.

Сашка перещёлкнул наручники, освободив Кургузову правую руку, а левую пристегнув к дверце.

– Может, я левша, – проворчал тот.

– Ты правша, – спокойно ответил Сашка, подвинул планшет с бумагой и ручкой, сам вышел из машины.

Телефон снова зазвонил. Отец. Они редко разговаривали вот так, на расстоянии.

– Сын, Таня мне рассказала... Я хочу знать твои намерения.

– Они уже осуществляются.

Сашка на физическом уровне ощутил, как отец напрягся.

– Пап, он пишет признания, то, чего ты испугался, делать не пришлось.

– А ты бы... сделал?

Сашка вспомнил, как тряслась от ужаса Таня у него за спиной, представил, как несколько мужиков насильовали четырнадцатилетнюю девочку, сломали ей здоровье и жизнь и вышли на свободу через шесть лет... И других, кто не отважился заявить, не веря в справедливость...

– Да. А ты?

Теперь пришла очередь отца вспомнить, как держал за руку умирающего сына, глаза жены...

– Да...

– Значит, ему повезло.

Глава 7

Кургузов всё ещё писал, точно насобирав на пожизненное... Сашка сел на траву, прильнув спиной к стволу берёзы. Поймал себя на мысли, что уже очень давно не был в лесу. Наверное, сейчас и грибы есть. Вдыхал ароматы наступающей осени... Вспомнил, что позавчера была годовщина смерти Таниной мамы. Ах ты ж... Она с малышом, наверное, и на кладбище ездила, ему не стала напоминать... Потом вернулся к своему «делу». Не хотелось оформлять Кургузова как явившегося с повинной. Добиться бы заявлений от его жертв... Однако он понимал, как тяжело будет родителям девочек снова окунаться в эту грязь и боль, не говоря уж о самих девочках... Для очистки совести всё-таки позвонил тем двум семьям, чьи координаты списал из дела Кургузова. Как и ожидал, услышал отказ и просьбу оставить их детей в покое... Хотя бы сообщил им, что насильник понесёт наказание. По его собственному делу срок давности уже истёк...

Позвонил Дмитрию в отдел.

– Всё нормально. Скоро привезу.

– Могу порвать твой рапорт? – с облегчением спросил тот.

– Можешь.

Наконец, увидел, что Кургузов выпрямился. Закончил, значит, своё жизнеописание...

Сашка снова защёлкнул наручники на его руках, пробежал глазами написанное, опять почувствовал желание убить его прямо тут... Сколько же трагедий даже не дошло до разбирательств...

– Про нашу встречу, смотри, так и не вспомнил, – с тяжёлой усмешкой сказал он, заводя машину.

– Вспомнил, – отвернувшись к окну, ответил Кургузов. – Вон по ним, – он кивнул на приборную доску, там стояла маленькая фотография, такая, как на заставке телефона, – Таня с Андрюшкой в обнимку. – Случай, мать его... Да только по твоему делу срок давности вышел. – Помолчав, добавил: – Не думал, что выживешь.

– Хочу тебя предупредить, – произнёс Сашка, – второй вариант по-прежнему висит над тобой. Так что умоляй судью о пожизненном.

Определив Кургузова в камеру предварительного заключения, пришёл в отдел.

– Ну что, – спросило начальство в звании майора, которого в отделе все называли исключительно по отчеству – Михалыч, беря из рук Сашки стопку исписанных листов, – полегчало твоему животу?

– Полегчало немножко, – ответил Сашка, поняв, что Дмитрий уже ввёл всех в курс дела. – Там, – он кивнул на переданные им листки, – несколько клиентов для задержания.

Михалыч перелистнул пару страниц.

– Ого... Как тебе удалось раскрутить его на такое? От показаний не откажется?

– Скажем так, он мой большой должник. Если откажется, долг многократно возрастет...

– Ладно... Отпускаю тебя на сегодня. «Поболей» ещё чуток, тем более завтра выходной.

Почти что отпуск у тебя получается.

*

Семья была вся в сборе. Даже отец. Они тактично уступили прихожую Тане и Сашке для первых объятий, потом его целовала мама, отец крепко сжал руку, заглянув в глаза. Сестрёнки по очереди повисели на его шее.

– А где мой сын? – спросил Сашка.

– Пойдём, покажу, – Таня взяла его за локоть, с таинственным видом увлекла вглубь огромной квартиры. У них была в ней своя комната. Андрюшка спал в кровати, вместе с ним там же расположился Бонд со своей подружкой и Серый.

– Не обижает он их? – Сашка склонился над кроватью, его сердце, как всегда при взгляде на сынишку, мгновенно растаяло.

– Сегодня крепко схватил Бонда за ухо, я испугалась, что тот его оцарапает, но нет... Вытерпел, даже не мяукнул.

– А ссадины на коленках откуда? Об асфальт приложился? – спросил он, ругая себя за то, что не заметил их раньше, ссадины были уже поджившие...

– Да... – с запинкой ответила Таня, о том, где это случилось, говорить не стала.

– Ревел?

Таня улыбнулась чуть печально:

– Я ревела, он меня утешал, что ему «не боня».

Сашка с раскаянием на неё посмотрел.

– Прости меня, я позавчера совсем забыл, какая дата...

– Не страшно... Так вот про Серого: мы всё-таки решили, что не будем разлучать их. Останутся здесь своей семьёй. Поэтому за тобой котёнок. Или щенок. Ребёнок должен постоянно видеть рядом с собой какую-нибудь зверушку и приучаться любить её и ухаживать.

– Как скажешь. – Сашка притянул жену к себе, с лёгким стоном наслаждения впился в её губы. – Поехали домой? Хочу тебя не могу...

– И я тебя, – прошептала Таня, отвечая на поцелуй не менее страстно.

Родители расстроились, что они так быстро засобирались, но задерживать не стали.

Погрузив в машину спящего Андрюшку, они ещё какое-то время, прежде чем тронуться, целовались, как будто не виделись не один день, а как минимум неделю.

– У меня завтра выходной. Давай поедem за грибами? – вспомнив осенний лес, предложил Сашка.

– А давай сегодня? С палаткой. Мы этим летом нигде не были. Погода пока позволяет.

Туристические принадлежности лежали дома на антресолях в полной готовности, в первые годы супружества они часто выезжали на природу таким вот «диким» образом.

Сашка посмотрел на часы. Время приближалось к четырём.

– Ты авантюристка, ты знаешь об этом?

– Представляешь, костёр... звёзды... и только мы с тобой. И Андрюшка. Это будет его первый поход.

– Ну смотри... Помни потом, чьё это было предложение.

– Ты что, не поделишь со мной ответственность?

– Разделю, конечно, куда ж я денусь от ответственности...

Глава 8

Как бывалые походники, собрались они быстро. Для такого короткого отдыха у них имелась на примете пара мест. Одно рядом с рекой, куда был удобный подъезд, туда и направились. Сашка с улыбкой поглядывал на Таню, её глаза возбуждённо сверкали в предвкушении если не приключений, то радикальной смены обстановки. Андрюшка продолжал спать. Это было его обычное состояние в машине.

– М-да, так поздно мы ещё ни разу не приезжали, – глядя, как всё ярче высвечивают фары дорогу, покачал головой Сашка.

– Поэтому и покупали такую палатку, чтобы сама раскладывалась, – беспечно ответила Таня.

Когда доехали до места и вышли, сразу принялись жадно дышать: рекой, песком, травой, листвой, казалось, здесь пахли даже звёзды. Звуков было ещё больше, чем запахов, как будто они оказались в джунглях.

– Ты молодец, я бы сам не решился тащить вас на ночь глядя. Хорошо, что ты у меня такая... отважная.

– Не поняла, что это была за пауза? – Таня шутливо толкнула его в бок. Сашка выгружал вещи.

– Подбирал слово. Сначала хотел сказать «безрассудная», но подумал, что это никак не вяжется со словами «молодец» и «хорошо», хотя и больше тебе подходит.

Говоря с ней, он быстро устанавливал палатку, складывал костровище и собирал сухие ветки. Таня ходила за ним, ничем не помогая, отвлекая поцелуями.

– Ты, походница, что случилось? – спросил он, ответив на очередной долгий поцелуй. – Почему я один всё делаю?

– Не знаю. Мне так хорошо. Так нравится на тебя смотреть. К тому же ты уже почти всё сделал и без моей помощи.

Сашка поставил в палатку Андрюшкину прогулочную коляску, разложив её в вариант обычной, перенёс туда сынишку. Андрюшка во сне зачмокал губками, намекая, что неплохо бы подкрепиться. Таня уединилась с ним, а Сашка развёл костёр, расстелил одеяла. Его охватило волнение. Последний раз они с Таней занимались любовью под звёздами года два назад... Она вышла из палатки, он сразу повалил её на приготовленное ложе.

– Сначала ты, потом ужин... – пробормотал, покрывая её поцелуями.

Их жаркие стоны влились в общий хор ночных звуков... Разгорячённые тела остужали потом в прохладной воде. Закалённый Сашка сплавал на другой берег и назад, Таня же только окунулась и выскочила, снова закуталась в одеяло.

– Волшебство какое-то... Давай не будем сегодня спать, будем считать звёзды, – мечтательно предложила она.

– Давай считать, – согласился он.

Видимо, именно счёт и утомил их окончательно, они заснули в объятиях друг друга у догорающего костра.

Разбудили громкие хлопки, далеко разносящиеся эхом.

– Что это? – испуганно спросила Таня. Над рекой низко стелился утренний туман, накрывший собой и их стоянку.

– Охотники, – нахмурился Сашка. – Как бы Андрюшку не разбудили. – Он встал и заглянул в палатку. Сынишка, пока ещё во сне, сложил бровки домиком и горестно поджал губки, явно собираясь проснуться в плохом настроении.

– Как жалко... Испортили такую ночь... – вздохнула Таня и ушла в палатку, чтобы, в случае чего, сразу успокоить Андрюшку. Сашка оживил костёр, набросав в него ещё веток.

Задумался. Возможно, из-за того, что основы воспитания заложила в него всё-таки женщина, он не любил «мужские» развлечения, ни рыбалку, ни тем более – охоту. С детства был приучен жалеть живые существа, даже мух, и тех выпускал в форточку. Сейчас, слушая встревоженный крик уток, сочувствовал им всей душой.

Один из выстрелов прозвучал совсем близко. Опытным ухом Сашка определил, что метрах в ста, не больше, в той стороне был молодой соснячок. С этим выстрелом пальба прекратилась, будто по заказу. Было слышно, как завёлся мотор автомобиля, как машина уехала. Снова наступила тишина. Теперь почти абсолютная. Напуганные стрельбой птицы и звери надолго затаились. Странно, на охоту за дичью обычно ходят с собаками, а тут ни разу не раздался собачий лай. Да и время суток выбрано странное... Ещё недостаточно светло.

То ли всё-таки разбуженный выстрелами, то ли просто выспавшийся, Андрюшка бодро вскочил. Было пять часов утра. Так что, благодаря сынишке, им даже удалось полюбоваться рассветом, хотя и слипающимся от желания спать глазами. Малыш изумлялся новой обстановке, носился по поляне, собирая палочки и камушки, беспрестанно что-то болтал на своём языке, Сашка же всё посматривал в ту сторону, где прозвучал последний выстрел. Свербило что-то его сыщицкое нутро.

– Танюш, я отлучусь ненадолго, – не выдержал он наконец.

Таня, давно заметившая его задумчивые взгляды, только кивнула головой: она следила, чтобы Андрюшка не подходил близко к костру и не забегал в воду.

Сашка постарался уйти незаметно для сынишки, когда тот отвлёкся на домик, который мама стала строить из мокрого песка. Ходил по соснячку, наверное, с полчаса, когда увидел тело. Тихо выругался: он от работы, она – за ним.

Глава 9

Сашка подошёл ближе, внимательно вглядываясь, чтобы не затоптать возможные следы. Молодой мужчина, до тридцати. Приятной, даже красивой, наружности, с правильными чертами лица, чёрными, очень густыми волосами, был бы актёром, наверняка имел бы ампула героя-любовника, одет так, как обычно одеваются охотники. Вот только без ружья. Слева в верхней части груди – небольшое, бурого цвета пятно. Сашка наклонился, нащупал слабый пульс...

Таня уже начала волноваться, но, чтобы не пугать Андрюшку, мужа не окликнула, только с тревогой всматривалась в ту сторону, куда он ушёл. Увидев, что он возвращается, с облегчением улыбнулась ему. Он же в ответ посмотрел хмуро, вздохнул.

– Танюш, там нужна твоя медпомощь.

Таня не стала расспрашивать, схватила из машины аптечку. Помимо автомобильной, у них с собой всегда была ещё одна, где было всё, чтобы оказать первую помощь, включая приспособление для капельницы. Сашка взял на руки сынишку.

Не доходя с ним до раненого, указал Тане, куда идти.

Сам же вызвал скорую и позвонил в отдел, рассказал о случившемся, попросил связаться с местными.

– Принеси наши спальники, – крикнула Таня, – его нужно согреть.

Поначалу она нервничала, что руки отвыкли от работы (после колледжа она два года до декретного отпуска успела потрудиться по специальности в хирургии в клинической больнице), но быстро собралась, аккуратно разрешила одежду, освободив место ранения, кажется, пуля прошла навывлет, обработала и перебинтовала рану, поставила капельницу, подвесив её на сучок. Сбегала к Сашке забрать принесённые им одеяла. Пока суетилась, поняла, что соскучилась по своей работе.

Мужчина был очень красив. Не красивее её мужа, но всё-таки редко такие встречаются. И если он не бандит какой-нибудь, то будет жалко, если такая красота, с любовью созданная природой и его родителями, погибнет.

Сашка, развлекая сынишку, то и дело оборачивался на Таню, видел её сосредоточенное лицо, думал о том же, о чём и она, – что его жена наверняка скучает по работе, которую выбрала по зову души...

Ресницы раненого дрогнули, веки приоткрылись на щёлочку, но и по щёлочке стало понятно, что глаза у него синие-синие. Таня даже удивлённо покачала головой. Он несколько секунд смотрел на неё, потом его губы тронула улыбка:

– Не ожидал, что попаду в рай. Знал бы, что здесь такие красивые ангелы, раньше бы пришёл.

– Не разговаривайте, экономьте силы. Скорая ещё не приехала.

Сделав всё, что от неё зависело, Таня забрала Андрюшку и вернулась на их поляну, Сашка остался возле раненого ждать врачей и представителей местной полиции. Ему и хотелось расспросить его по свежим следам, и не хотелось вступать в это дело, которое вряд ли перейдёт к их отделу, своих выше крыши.

– Жена или зазноба? – прошептал тот.

Сашка, сам от себя не ожидая, вместо ответа показал ему кулак правой руки, где на безымянном пальце было обручальное кольцо.

– Понял, – усмехнулся раненый, – и жена, и зазноба...

*

Через месяц Сашка, придя утром на работу, обнаружил на своём столе ведро, явно позаимствованное в подсобке уборщиц, а в нём – огромный букет красных роз.

– Можешь не пересчитывать, их ровно тридцать три, – вместо приветствия сказал Дмитрий, он был пока один в комнате. – Ты скрываешь от нас тайную поклонницу? Или, пардон, поклонника? Зацени, как я позаботился о твоих цветах. Ни в одну вазу они не влезли.

Сашка, который сначала подумал, что у кого-то в коллективе юбилей или другое радостное событие, а его стол просто использовали для временного размещения букета, растерялся.

– Почему решили, что они для меня?

– Потому что дежурному их передали вместе с просьбой передать их именно тебе.

Сашка развернулся, намереваясь сходить расспросить дежурного, но Дмитрий его остановил:

– Уже расспросил. Это была служба доставки. Кстати, там в букете записка. Я хоть и любопытный по жизни, но воздержался совать туда нос, памятуя о твоих навыках и умениях.

– Правильно памятуешь, – сказал Сашка, доставая записку, спрятанную в середине букета.

Для жены и зазнобы, а также прекрасному ангелу с чувством искренней признательности и...

– Вот оно что, – усмехнулся Сашка, – оклемался, значит.

– А что означает это таинственное «и»? – Дмитрий всё-таки заглянул в записку через Сашкино плечо. – Я так понимаю, что букет вовсе не для тебя? Слава богу, а то я тут уже полчаса волнуюсь за твою Таню.

– За мою Таню волноваться не нужно, – сказал Сашка, разрывая записку на очень мелкие клочки и сыпая их в мусорную корзину.

Дмитрий проследил за его действиями.

– И цветы не передашь?

– Цветы передам. Это благодарность, которую она заслужила.

Глава 10

Сашка ехал домой, время от времени бросая задумчивый взгляд на лежащий на пассажирском сиденье букет. До рождения Андрюшки он часто дарил Тане цветы, а потом как-то так само собой вышло, что все «свободные» деньги он, в том числе по её просьбе, тратил только на игрушки для сына и букет для жены стал лишь атрибутом праздников...

Чтобы Таня сразу всё правильно поняла, он, протягивая ей розы, сопроводил жест словами:

– Воспроизвожу почти дословно: «Прекрасному ангелу с чувством искренней признательности».

Таня, принимая цветы, сделала удивлённый вид. Потом, видимо, вспомнила происшествие месячной давности, да и вряд ли оно выветрилось из её головы, не каждый день ей приходилось оказывать помощь раненым. Сашка внимательно наблюдал за тем, как менялось выражение её лица, от изумления – к пониманию, от понимания – к удовольствию. Да... жене нужно дарить цветы, даже если она говорит, что не хочет, чтобы он тратил на букеты семейный бюджет...

Андрюшка уже спал, Сашка опять задержался допоздна. Таня, вдыхая аромат роз, спросила:

– А почему «почти дословно», у тебя же профессиональная память, что скрываешь от меня?

Сашка, разуваясь, усмехнулся.

– Потому что часть послания была адресована лично мне.

Таня удовлетворилась ответом. Пошла искать подходящую вазу. Ночью, нежась в его руках, сказала задумчиво:

– Всё-таки судьба существует. Какие бы у него были шансы, если бы мы туда не приехали? Никаких... А у нас какие были шансы вдруг отправиться туда с палаткой? Тоже почти никаких... Так, внезапный порыв... Не знаешь, что там в итоге произошло?

– Нет... Но, если тебе интересно, завтра узнаю.

– Интересно.

*

О своём обещании Сашка не забыл, позвонил в отделение полиции, которое занималось тем случаем. Оказалось, что никакого дела заведено не было. Раненый отказался писать заявление, уверял, что это был несчастный случай на охоте, а друзья, которые его подстрелили и бросили, просто испугались, с кем не бывает. Ни имён, ни фамилий не назвал. Впрочем, никто и не настаивал: дел у местных оперов и так хватало.

Ещё через неделю на столе Сашку ждал новый букет. Такой же роскошный. В записке на этот раз стояло лаконичное: *Прекрасному ангелу...*

– Офигеть! – воскликнул Никита, ещё один Сашкин коллега, его ровесник, который женился всего год назад, но уже бегал от жены на сторону. – Ну почему именно тебе достаются испытания ревностью, когда ты и без всякого внешнего стимула умудряешься держать свои чувства на градусе высокого напряжения! Кто бы меня так стимулировал, чтобы я опять в жену влюбился!

– С чего ты решил, что я ревную? – Сашка поставил ведро с цветами на пол, чтобы не занимал место на столе и, что уж там, не мозолил глаза.

– Не ревнуешь?! Тогда поделись секретом, чем питается твой источник неисчерпаемой любви к жене? Ты сколько уже с ней? Семь лет?

– Вообще-то, восемнадцать, – с весёлой усмешкой ответил Сашка, предполагая, какая последует реакция.

Никита, который как раз заваривал себе чай, чуть не обжёгся кипятком. Другие тоже подняли головы от отчётов, которые строчили по приказу начальства. Само начальство присвистнуло, выразив тем самым всеобщее изумление.

Никита подошёл, ущипнул его за руку, сообщил:

– Настоящий, из мяса и костей, не силиконовый. Блин. Надо предупредить наших дамских коллег, что им ничего не светит, а то они на тебя поспорили, кто пробьёт твою защиту, а ты даже не замечаешь их усилий.

– Ну почему не замечаю, замечаю, – снова весело усмехнулся Сашка, – замечать и поддаваться – это разные вещи.

– И всё-таки колись, неужели тебе не хочется разнообразить свою личную жизнь? Хотя бы просто ради научного интереса проверить, как оно будет с другой женщиной?

Сашка привык к подобным разговорам, они сопровождали их с Таней по жизни, а потому отшутился:

– Хочу попасть в книгу рекордов.

– Да всё, ты уже там, тебя никто не переплюнет. Пора расслабиться и взглянуть по сторонам, осчастливить других, я знаю как минимум трёх, кто умирает от любви к тебе. И сам готов их утешить, но они хотят тебя.

Конец разговору положил Михалыч, заявив, что до сдачи отчётов осталось пять минут, а затем их ждёт очередное дело...

Второй букет Таня приняла с задумчивым видом, Сашка несколько раз ловил на себе её встревоженные взгляды. «Градус напряжения» в их близости в эту ночь зашкаливал...

Глава 11

Для себя Сашка решил, что будет «принимать меры» после третьего букета, если таковой последует. Проезжая мимо цветочных киосков, он ловил себя на мысли, что теперь уже не может купить жене цветы, чтобы это не выглядело попыткой соревноваться с «благодарным поклонником», и это его злило. У него, конечно, был козырь в запасе: Таня любила не розы, а полевые ромашки, васильки, незабудки... Через две недели у неё день рождения (через шесть дней после его собственного), он всегда ездил в Аптекарский огород и привозил букет оттуда.

Третья охапка роз появилась в день его рождения. Парни в отделе ждали её с нетерпением, подобных романтических развлечений у них на службе ещё не было. Хотя одновременно все и напряглись, третий букет – это уже настойчивость, вызов и в определённом смысле наглость. Таинственный незнакомец (не такой уж, по большому счёту, и незнакомец, все его данные у Сашки имелись) подвергал своё здоровье реальной опасности: ну сколько может нормальный муж терпеть подобную ситуацию... Тем более муж – опер убойного отдела и мастер спорта по восточным единоборствам, а жена – не просто его большая, а единственная любовь. Поэтому, когда Сашка в тот день вошёл утром в отдел, коллеги, чтобы сразу его не расстраивать, загородили собой его стол и дружно спели «С днём рождения, тебя...». Поскольку Сашка был непьющий, то в качестве подарка традиционно получал торт, под который уже были готовы блюда и вскипячён чайник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.